

КОНСТИТУЦИЯ РСФСР 1918 ГОДА И НОВЫЙ ЗАКОНОПОРЯДОК

© 2020

Е.Н. Кузнецова, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственного и административного права
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: революционные события 1917 года; Советы; Конституция РСФСР 1918 года; первая советская Конституция; правопорядок.

Аннотация: Исследование первой советской Конституции актуально по причине как ее уникальности, так и конституционной преемственности. В статье рассматривается такое проявление уникальности Конституции, как конкуренция идеологии и права. Эту конкуренцию сохранили и последующие советские конституции, что подтверждает конституционную преемственность и повышает значение исследования данной особенности Конституции РСФСР 1918 года. Автором подчеркивается, что конкуренция идеологии и права в содержании первой советской Конституции была предопределена условиями ее появления. Подготовленная и принятая вскоре после революционных событий 1917 года, Конституция отражала программу пришедшей к власти партии с ее установкой на создание принципиально иной социальной системы, где не будет не только частной собственности на средства производства с присущей ей эксплуатацией, но в перспективе и самой государственно-правовой организации. Анализ конкуренции идеологии и права в содержании первой советской Конституции позволил обнаружить «неправовые» признаки, которые говорят о «снижении» ее правового характера. В статье приводятся аргументы в пользу включения в число «неправовых» признаков таких конституционных положений, как установление диктатуры, не представлявшей власти большинства; разная мера политической свободы для граждан Российской Республики; введение категории «лишенцев»; легализация классового насилия; ставка на насилие при разрушении прежнего и создании основ нового социального порядка. Основная идея статьи – влияние конституционной специфики на социальную и правовую жизнь послеоктябрьской России, и в особенности на такое правовое явление, как правопорядок. При исследовании конституционной специфики и влияния ее на правопорядок были использованы предлагаемые современной философией права различные подходы к праву, различные типы правопонимания. В соответствии с непозитивистским подходом к праву впервые делается вывод о значении Конституции РСФСР 1918 года для установления нового законопорядка, не совпадающего с правовым.

ВВЕДЕНИЕ

Сложная, во многом трагическая и противоречивая история XX века активно обсуждается современными исследователями. В последнее десятилетие развернулись дискуссии, которые касаются Первой мировой войны, революционных событий 1917 года, истории отечественной Конституции [1–3]. Рассматривая вопрос о том, почему судьба советского государства и права сложилась так, а не иначе, стоит остановиться на специфике Конституции РСФСР 1918 года. Непреходящий интерес к ней объясняется уже тем, что ее (хотя на этот счет имеются и другие мнения) продолжают считать первой российской Конституцией [4]. Кроме того, она была первой Конституцией, связанной с социалистическим экспериментом, мнения по поводу целесообразности которого до сих пор служат причиной идейного раскола российского общества [1].

В силу названных обстоятельств Конституция РСФСР 1918 года не входит в число малоизученных. О ней много написано как советскими, так и постсоветскими авторами. Но в советский период содержание Конституции изучалось преимущественно в плане ее роли в создании новой, социалистической системы, иного, социалистического типа государства и права, при этом идеологической основой служили ленинские работы [5]. Изменение отношения к советскому государству и праву в постсоциалистическое время не могло не затронуть и Конституцию РСФСР 1918 года. Современные исследователи характеризуют содержание этой Конституции, как правило, в контексте ее роли в становлении недемократической социальной системы, не совместимой ни с экономической, ни с политиче-

ской, ни с идеологической свободой [4; 6; 7]. Диктатура пролетариата, которая упоминается в ряде статей Конституции, перестает считаться способной обеспечить переход к социализму [8]. Но и в трудах современных авторов правовой характер первой советской Конституции обычно под сомнение не ставится. Между тем ее содержание, ярко выраженное идеологическое начало служат для этого достаточным основанием. Идея статьи о «неправовом» в Конституции РСФСР 1918 года – результат использования философско-правовой методологии, определенных типов правопонимания [9–11]. Специалистами в области истории, истории права обстоятельно исследованы проблемы, касающиеся соотношения революции, насилия, террора, социального порядка, правопорядка [12–14]; специалистами в области теоретической юриспруденции обстоятельно изучены различные аспекты правопорядка как особого правового явления [11; 15]. Однако вопрос о том, какое влияние первая советская Конституция оказала на состояние в стране правопорядка, в литературе обычно не рассматривается.

Цель работы – исследование особенностей первой советской Конституции, свидетельствующих о наличии в ней «неправовых» начал, которые сказались на состоянии правопорядка, определяя его специфику.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Конституционное разрушение дореволюционного порядка. Первым на уникальность Конституции РСФСР 1918 года, ее непохожесть на уже известные миру («в мире не бывало таких конституций») обратил внимание В.И. Ленин. Выступая на Чрезвычайном VI Всероссийском съезде Советов, партийный лидер

сказал, что эта Конституция «...не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций». Ее особенности определил «опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире» [5, с. 147]. Но именно эти особенности позволяют ставить вопрос об основаниях признания данного акта правовым и конституционным. Революция, нарушающая, по наблюдению П.Г. Струве, непрерывное правовое развитие общества, ниспровергает при этом одно право и создает другое. Однако превратиться в правообразующий факт, обрести бытие последнего революционный умысел способен лишь в результате завершения таковой. Правом может стать и становится удачная или законченная революция [16].

Первая советская Конституция – продукт этапа революции (в последнее время все чаще говорят о том, что революционные события 1917 года не означали ее завершения) [1], когда старое право было, по выражению П.Г. Струве, уже «ниспровергнуто», а новое еще не «воздвигнуто» [16]. Между тем именно право является основой законопорядка как явления правовой жизни: законопорядок определяется правом, «базируется» на правовых предписаниях с присущей им формальной определенностью [15].

Революционные события 1917 года разрушили не только существовавший законопорядок. Правовой порядок – органическая составляющая общественного порядка, обусловленного образом жизни людей. Революционная стихия практически полностью разрушила и прежний общественный порядок. Последний же – социальная необходимость, условие жизни социума, ее основа, то, без чего она невозможна. Беспорядок, хаос – это конец жизни [13]. Но прежний порядок был разрушен не сразу.

В ходе революционного процесса обозначились две основные тенденции: тенденция к известной преемственности институтов, определявших прежний порядок, и тенденция к максимальному их разрушению. Первая была связана с деятельностью Временного правительства (и подчиненных ему местных органов власти), вторая – с деятельностью центральных советских органов (и обширной сетью местных Советов). При этом Временное правительство и Советы не являлись равноценными центрами власти. Место и роль Советов в значительной степени определялись тем, что стремительный распад монархической власти опережал процесс создания власти демократической [2]. В последнем обстоятельстве кроется причина того, что результатом именно октябрьских событий стала установка: старый порядок необходимо разрушить до основания [17].

Но разрушение прежнего порядка не могло не сопровождаться разрушением всякого порядка и воцарением анархии и беспорядка. При этом «позитивный» беспорядок, с необходимостью возникающий в процессе замены одного порядка на другой, вначале существовал наряду с «негативным» беспорядком, сопровождавшим исчезновение прежнего порядка. Но такое сосуществование было временным явлением. Разрушение никогда не бывает конечной целью революции. Никакая революция не ставит задачу увековечить беспорядок. Аналогично дело обстояло и в России. На руинах прежнего, старого мира предполагалось построить,

причем с максимальной быстротой, совершенно новый мир и новый порядок [17].

Поскольку законопорядок в качестве одного из параметров общественного порядка имеет своей основой право, изменения в праве не могут не касаться состояния законопорядка. Революционные события 1917 года, как уже было отмечено, привели к переменам во всем образе жизни. Советская власть, которая позиционировала себя прежде всего в качестве пролетарской, сразу же взяла курс на отказ от всего того, имело место в дооктябрьской России [3], в том числе и от прежней правовой системы.

Дореволюционное право, как и дореволюционное государство, в полном соответствии с идеей и терминологией марксистско-ленинской идеологии подлежали «слому». Это подтверждается содержанием первой советской Конституции, которая, как пишет Л.А. Морозова, закрепив завоевания Октябрьской революции 1917 года (в настоящее время ее все чаще именуют октябрьским переворотом), одновременно носила программный характер, дающий представление об исторической перспективе и связанных с ней задачах [6].

«Неправовые» признаки Конституции. Как уже отмечалось, не все признают, что первая советская Конституция была первой российской – в качестве таковой нередко рассматривают Основные законы Российской империи 23 апреля 1906 года [3; 18]. Но если они были Конституцией, не принятой большинством общества, то Конституция РСФСР 1918 года в значительной степени стала актом, не принявшим права. Обусловлено это было прежде всего сходством с политической программой партии, взявшей власть, программой, рассчитанной на скорый переход к социализму.

В Конституции прямо говорилось о диктатуре, которая, по известному определению партийного лидера тех лет, является властью, никакими законами не связанной и опирающейся непосредственно на насилие. Диктатура «городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти» (ст. 9) не представляла власти большинства. Кроме того, в соответствии со статьями глав 10–15, порядок выборов в Советы (не всеобщих, неравных, не прямых, с неустановленным способом голосования и проходивших под контролем местных Советов) обеспечивал победу кандидатов от взявшей власть партии. Это дает возможность видеть за диктатурой городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства диктатуру партии, а за властью Советов – партийную власть [7]. Следовательно, тенденция слияния партийной и государственной власти дала о себе знать уже в первой советской Конституции. Такое слияние – проявление специфики объявленной в первой статье Республики Советов (именуемых Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), наряду с отсутствием разделения государственной власти на ветви.

Так как законопорядок включает в себя основанную на нормах права организацию самой политической власти, т. е. универсальную государственную организацию [15], анализ его состояния предполагает рассмотрение и формы государственного единства (в литературе этот аспект государственной формы обычно именуют формой государственного устройства) новой России. Конституция РСФСР 1918 года впервые в российской

истории законодательно провозгласила федерацию национальных республик (ст. 2) – но в данном случае несмотря на отрицательное отношение к ней партии большевиков. Однако это была модель социалистического федерализма, которую, как и модель социалистического республиканизма, отличала **классовость** (выделено автором. – Е. К.), выражением которой служило четко фиксированное идеологическое содержание [6].

Определяемый правом и обеспечиваемый государством законопорядок касается всегда также наиболее значимых и важных черт, сторон социально-экономического строя [15]. Статьи второй главы Конституции, в которых содержалась программа социально-экономических перемен, говорилось об отмене частной собственности на средства производства, начале их огосударствления – еще одно подтверждение курса «полного разрыва» с жизненным укладом дореволюционной России.

Утверждая, что законопорядок возникает на основе права, определяется им, его исследователи прежде всего имеют в виду человека с его интересами, стремлениями, жизненными потребностями, которые получают оформление в правах и свободах, обязанностях и ответственности [15]. Однако нормы первой советской Конституции о правах, свободах и обязанностях свидетельствуют о том, что новая государственная власть, формулируя их, исходила не из интересов и жизненных потребностей российских граждан, а из своих представлений о том, какими они должны быть в условиях социалистического строительства. Отсюда почти исключительно политический характер прав и свобод.

Политические права и свободы должны были способствовать «водворению социализма» (ст. 9). Задача перехода к социализму предопределила лишение «эксплуататоров» (по терминологии Конституции) не только всех политических, но даже иных прав [6]. Однако категория «лишенцев» ими не исчерпывалась. По смыслу Конституции, в числе «лишенцев» могли оказаться и оппозиционеры разной социальной принадлежности. Это следует из толкования ст. 23, в соответствии с которой государство могло лишать прав отдельных лиц и даже отдельные группы. В качестве основания такого лишения рассматривалось пользование конституционными правами в ущерб интересам социалистической революции. Вводя данную норму, власть ссылалась на интересы рабочего класса в целом, способствуя тем самым формированию политического мифа. Ст. 23 содержала настолько широкую трактовку, что можно говорить о законодательной неопределенности. Последняя же могла способствовать государственному произволу.

Отменив сословное неравенство, советская власть закрепила в первой советской Конституции неравенство классовое: юридическое неравенство не исчезло – оно приняло другую дискриминационную форму. Анализируя различный статус граждан, определенный конституционными нормами, Ю.Л. Шульженко делает вывод об учреждении четырех политических режимов: для «обычных трудящихся», рабочих, беднейших крестьян и «лишенцев» [3]. Конституционный статус граждан Российской Республики, отражавший идеологию, приверженцами которой были большевики, также говорит об отказе от дореволюционной системы права.

Согласно позитивистскому подходу к праву, в соответствии с которым всякий государственный закон –

право, дискриминационный характер статей Конституции РСФСР 1918 года о правах, свободах и обязанностях граждан не препятствует признанию их нормами **права** (выделено автором. – Е. К.). Другое решение связано с подходом непозитивистским, либертарно-юридическим, который отличается пониманием права как формально равной меры свободы и воплощения справедливости, трактовкой справедливости как равенства в свободе [9–11]. С позиций либертарного понимания содержание данных статей позволяет сделать вывод об их идеологическом содержании в ущерб правовому.

Новый социальный порядок и новый законопорядок. Конституция являла собой возведенную в закон программу действий новой власти (склонной выдавать свою волю за волю прежде всего рабочего класса), направленную, с одной стороны, на разрушение прежнего русского мира и прежнего порядка, с другой – на создание нового, «справедливого» мира и порядка. Установление и формальное закрепление «справедливого», а потому и стабильного порядка – в числе основных идей любого конституционного акта [13]. Первая советская Конституция не представляла в этом плане исключения. Но рассмотренные в ней признаки «неправа» предполагают постановку вопроса: мог ли стать (и как скоро) органической частью нового, «справедливого» порядка, порядок правовой – поскольку последний немислим без правовой основы. Решая эту проблему, следует иметь в виду и характер властных методов, заявленных в Конституции в качестве необходимых для решения «созидательной» задачи – строительства нового общества.

Исходя из того, что в упорядоченности нуждается всякое общество, Ф.А. фон Хайек анализирует два способа возникновения порядка: когда он существует, не будучи созданным обдуманно, и когда он представляет собой результат «обдуманного упорядочивания». Вторым способом пользуется популярность у сторонников авторитарной модели власти [19]. Новый, послеоктябрьский порядок создавался посредством «обдуманного упорядочивания», «путем механической законодательной техники и администрирования», входя в противоречие с тем, который, «имея свой высший источник в трансцендентном, одновременно зарождается и живет в душе каждого отдельного индивида» [14, с. 415]. Данное противоречие не могло не обернуться социальными катаклизмами.

Авторитарный способ создания нового порядка был связан со стремлением радикально настроенной партии реализовать – и как можно скорее – свой социальный проект, соответствующий ее идеологии, но в значительной части идущий вразрез с человеческой природой. При этом в Конституции нет ни одной статьи, в которой бы определялись пределы, границы государственной власти, но есть, как уже отмечалось, статьи о государственной диктатуре, которые говорят об отсутствии этих границ. Правовая же основа законопорядка предполагает правовые рамки и для самого государства.

Правда, из текста Конституции следовало, что государственная диктатура требовалась лишь в качестве временной, преходящей меры, для решения задачи такой социалистической организации общества, в условиях которой не будет ни деления на классы, ни государственной

власти (ст. 3, 9). Именно с данным отношением к государству, подчеркивает Р.А. Ромашов, связано конституционное определение Российской Республики как свободного социалистического общества всех трудящихся России (ст. 10) [4]. Но конституционные акты преследуют цель не упразднения, а учреждения определенного государственно-правового строя. Установка же на упразднение государства не могла способствовать правопорядку по той причине, что именно с данным социальным институтом цивилизованного общества связаны и его основа, и его обеспечение.

Поставленная в первой советской Конституции задача «беспощадного подавления эксплуататоров», «полного подавления буржуазии» (ст. 3, 9), неотделимая, по мнению ее творцов, от решения задачи скорого перехода к социализму, также дает возможность говорить о ее «неправовых» признаках. Задача полного и беспощадного подавления части населения – причем лишь на основании определенной социальной принадлежности – может рассматриваться как иницирующая террор еще до принятия Советом народных комиссаров постановления «О красном терроре».

История свидетельствует, что террор – вовсе не особенность российской революции; потребность в нем – результат необходимости «расчистить почву» для нового порядка. Терроризм всегда порождается стремлением к насилию [20]. Но революционный террор имеет свои особенности. И.А. Исаев видит их в том, что это «специфическая политика насильственного созидания, созидания путем разрушения» [17, с. 6]. В данном ракурсе всякая революция – не только российская – может быть названа насильственной, а действия тех, кто сумел взять власть, – террористическими. Российская же специфика заключается в том, что ставка на насилие была связана и с попыткой **изменить ход истории** (выделено автором. – Е. К.) – привести народ к социализму через диктатуру пролетариата и социализацию; отсюда гипертрофированный характер насилия [8]. Установка на гипертрофированное насилие, террористические методы осуществления государственной власти, следующая из статей Конституции, противоречила сущности конституционного акта и не имела отношения к правовой основе правопорядка.

Исходя из обоснованной им либертарно-юридической концепции права, В.С. Нерсесянц предлагает такой ход рассуждений: если право отождествляется с законом, реализация любого закона, даже фиксирующего государственный произвол, дает правопорядок. Но такому правопорядку недостает главного – качества права, в связи с чем можно говорить лишь о законопорядке. Если не всякий закон является правовым законом, то и не всякий законопорядок является порядком правовым [11].

Согласно традиционному подходу, правопорядок – результат осуществления законности. Последняя же определяется как требование точного и неуклонного соблюдения и исполнения законов всеми субъектами права. Но, во-первых, закрепление в Конституции диктатуры исключало из числа субъектов, на которых распространялось требование соблюдения и исполнения законов, государство. Во-вторых, анализируя состояние законности, необходимо иметь в виду и содержание законов. Между тем Конституция закрепляла «захватное право», которое отождествлялось с насилием во

имя справедливости и порядка. В связи с этим трудно не согласиться с характеристикой формирующейся правовой системы советского государства, данной В.П. Булдаковым. По мнению исследователя, она как будто специально создавалась для того, чтобы народ не мог видеть иных путей к справедливости, помимо силовых [12].

ВЫВОДЫ

Предопределенные идеологическим характером «неправовые» начала первой советской Конституции, о которых говорят заявленный ее содержанием диктаторский режим, связанная с ним политика государственного террора, юридическое неравенство, курс на создание безгосударственной социальной системы, не дают возможности считать первую советскую Конституцию направленной на установление нового правопорядка.

Наличие в первой советской Конституции «неправовых» начал – свидетельство того, что с ней мог быть связан лишь новый законопорядок. Тот законопорядок, на установление которого она была нацелена, не только не исключал государственный произвол – он его программировал, что подтвердили последующие события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
2. Коваленко Н.А. «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2007. № 113. С. 19–24.
3. Шульженко Ю.Л., Славин М.М., Данилевская И.Л., Дзарасов М.Э., Лебедев А.И., Некрасов С.И., Чехарина В.И., Шмавонян Г.А. Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1917–1940 гг.). М.: Институт государства и права и РАН, 2010. 544 с.
4. Ромашов Р.А. Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма // История государства и права. 2016. № 22. С. 14–21.
5. Ленин В.И. Речь о годовщине революции 6 ноября // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 137–153.
6. Морозова Л.А. Идеи социалистического федерализма в Конституции РСФСР 1918 года (К 100-летию Конституции) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 3. С. 105–117.
7. Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. Конституция РСФСР 1918 года как правовая основа в военное время // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 11–18.
8. Дубровин Ю.Д. Почему диктатура пролетариата, а не демократическая республика? // История государства и права. 2017. № 20. С. 24–27.
9. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
10. Лапаева В.В. Соотношение права и справедливости в либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца //

- Труды института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 9–36.
11. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2012. 560 с.
 12. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.
 13. Исаев И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. М.: Проспект, 2015. 400 с.
 14. Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М.: Норма, 2016. 416 с.
 15. Макаров К.В. Гражданский правопорядок как феномен правовой культуры // Концепция философии права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 654–660.
 16. Струве П.Б. Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. 527 с.
 17. Исаев И.А. Новый порядок и принуждение // История государства и права. 2014. № 7. С. 3–9.
 18. Кравец И.А. Дуалистический монархический конституционализм как консервативный элемент в России // Право и политика. 2014. № 9. С. 1432–1458.
 19. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
 20. Исаев И.А. Закон и Революция. Легальные основания революционного мифа. М.: РГ-Пресс, 2019. 208 с.
- REFERENCES**
1. Medushevskiy A.N. *Politicheskaya istoriya russkoy revolyutsii: normy, instituty, formy sotsialnoy mobilizatsii v XX veke* [Political history of Russian revolution: norms, institutes, forms of social mobilization in XX century]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. 656 p.
 2. Kovalenko N.A. The dual power in Russia in 1917: new approaches and views. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii*, 2007, no. 113, pp. 19–24.
 3. Shulzhenko Yu.L., Slavin M.M., Danilevskaya I.L., Dzarasov M.E., Lebedev A.I., Nekrasov S.I., Chekharina V.I., Shmavonyan G.A. *Sovetskiy gosudarstvennyy stroy: realii, proekty, idei, spory (1917–1940 gg.)* [Soviet state system: realia, projects, ideas, disputes (1917-1940)]. Moscow, Institut gosudarstva i prava i RAN Publ., 2010. 544 p.
 4. Romashov R.A. The RSFSR Constitution of 1918 and its Place in the System of Sources of the Soviet Constitutionalism. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2016, no. 22, pp. 14–21.
 5. Lenin V.I. The speech on revolution anniversary of 6 November. *Polnoe sobranie sochineniy*. 5th ed. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1967, pp. 137–153.
 6. Morozova L.A. the ideas of socialist federalism in the RSFSR Constitution of 1918 (On the occasion of the 100-anniversary of the Constitution). *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs*, 2018, no. 3, pp. 105–117.
 7. Gataullin A.G., Zaynutdinov D.R. The Constitution of the RSFSR of 1918 as a Legal Basis During Wartime. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2018, no. 9, pp. 11–18.
 8. Dubrovin Yu.D. Why Dictatorship of the Proletariat Rather Than Democratic Republic? *Istoriya gosudarstva i prava*, 2017, no. 20, pp. 24–27.
 9. Nersesyants V.S. The philosophy of law: libertarian juristic concept. *Voprosy filosofii*, 2002, no. 3, pp. 3–15.
 10. Lapaeva V.V. The relationship between law and equity in V.S. Nersesyants' libertarian legal theory. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 9–36.
 11. Nersesyants V.S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of State and Law]. Moscow, Norma Publ., 2012. 560 p.
 12. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Disturbance: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. 2nd ed. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 967 p.
 13. Isaev I.A. *Ideya poryadka v konservativnoy retrospektive* [Idea of order in a conservative retrospective]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 400 p.
 14. Isaev I.A. *Topos i nomos: prostranstva pravoporyadkov* [Topos nomos space law order]. Moscow, Norma Publ., 2016. 416 p.
 15. Makarov K.V. Civil public order as a phenomenon of legal culture. *Kontseptsiya filosofii prava*. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2007, pp. 654–660.
 16. Struve P.B. *Patriotika. Politika, kultura, religiya, sotsializm* [Patriotica: politics, culture, religion, socialism]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 527 p.
 17. Isaev I.A. New order and coercion. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2014, no. 7, pp. 3–9.
 18. Kravets I.A. Dualistic monarchical constitutionalism as a conservative element in Russia. *Pravo i politika*, 2014, no. 9, pp. 1432–1458.
 19. Khayek F.A. fon. *Pravo, zakonodatelstvo i svoboda. Sovremennoe ponimanie liberalnykh printsipov spravvedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Liberty: Modern Understanding of Liberal Principles of Justice and Policy]. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 644 p.
 20. Isaev I.A. *Zakon i Revolyutsiya. Legalnye osnovaniya revolyutsionnogo mifa* [Law and Revolution. Legal foundations for a revolutionary myth]. Moscow, RG-Press Publ., 2019. 208 p.

RSFSR CONSTITUTION OF 1918 AND A NEW LEGAL ORDER

© 2020

E.N. Kuznetsova, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Public and Administrative Law
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: revolutionary events of 1917; Soviets; RSFSR Constitution of 1918; first soviet Constitution; legal order.

Abstract: The study of the first Soviet Constitution is important due to both its uniqueness and constitutional continuity. The paper considers such uniqueness manifestation of the Constitution as the conflict of ideology and law. The later Soviet constitutions retained this conflict, which proves constitutional continuity and mainstreams the study of this peculiarity of the RSFSR Constitution of 1918. The study identified that the conflict of ideology and law in the content of the first Soviet constitution was preordained by the conditions of its origin. Prepared and adopted shortly after the revolutionary events of 1917, the Constitution recognized the political platform of the party that came into power with its directive to create a conceptually different social system where there will be neither private ownership for production means with its exploitation nor the state-legal organization itself. The analysis of the conflict of ideology and law in the content of the first Soviet Constitution allowed identifying the non-legal elements that show the degradation of its legal nature. The paper gives the arguments for the counting among non-legal elements such constitutional statements as the establishment of a dictatorship not presenting the majority rule; different extent of political freedom for the citizens of the Russian Republic; the introduction of the category of the non-voters; legalization of class bullying; focus on bullying when destructing the former and constructing the basics of the new social order. The main idea of the paper is the influence of constitutional specifics on the social and legal life of after-October Russia and, in particular, on such legal phenomenon as legal order. When studying constitutional specifics and its influence on the legal order, the author used various approaches to the law and various types of legal consciousness offered by the contemporary philosophy. According to the non-positivistic approach to the law, the author, for the first time, concludes on the significance of the RSFSR Constitution of 1918 for the formation of a new legal order which is not consistent with the lawful one.